

Миру двоих рано или поздно приходит конец.

Спустя несколько дней Му Юймань и Гу Тин завершили своё путешествие. В полдень того же дня они приехали к Дуань Чжо и, оккупировав кухню, решили продемонстрировать все грани кулинарного мастерства.

Му Юймань взяла на себя готовку, а Гу Тин, хоть и не блистал талантами повара, с удовольствием вызвался быть на подхвате.

Его помощник, получив распоряжение заранее закупить продукты, за несколько заходов перетащил в дом гору вещей: пенопластовые короба с еще живыми, бьющимися лобстерами, избыточно упакованные овощи и мраморную говядину высшего сорта. Ассистент, разумеется, рассудил, что его босс по возвращении планирует банкет для крайне важных персон, а значит, и продукты должны быть соответствующего уровня — чтобы не стыдно было показать!

Увидев всё это великолепие, Гу Тин едва не лишился чувств. Он горько пожалел о том, что не уточнил своему «слишком умному» секретарю: «Купи чего-нибудь попроще».

Ему впервые выпал шанс проявить себя перед братом жены, и он никак не ожидал, что будет выглядеть как типичный нувориш. Но раз уж всё привезли, мужчине оставалось лишь с невозмутимым видом делать хорошую мину при плохой игре.

Обед затевался прежде всего ради Цзи Мяня. С Гу Тиним тот виделся лишь мельком на свадьбе и с тех пор в дом не заходил. Му Юймань давно искала повод, чтобы они познакомились поближе.

Пока Гу Тин в одиночестве сражался с продуктами на кухне, в гостиной остались трое. Му Юймань, соскучившаяся по юноше, уселась совсем рядом с ним, расспрашивая о делах в университете и успехах в компании.

Картина их беседы была преисполнена тепла и уюта. Дуань Чжо, прислонившись к подоконнику, с бесстрастным лицом наблюдал за улыбкой Цзи Мяня, не проронив ни слова.

Те годы, когда юноша пылко добивался расположения Му Юймань, никогда не были для него приятным воспоминанием. Тем более сейчас, когда их отношениям исполнилось всего несколько дней, он волей-неволей задавался вопросом: а не остались ли у Цзи Мяня чувства к сестре?

Любовь, копившуюся столько лет, невозможно было вычеркнуть в один миг. Стоило Дуань Чжо подумать об этом, как внутри у него всё начинало зудеть от ревности.

[Ого, очки глубокой привязанности подскочили сразу на десять пунктов! Единственное поступление за последние два месяца.]

Система не упустил случая выразить своё изумление. Он полагал, что после свадьбы Му Юймань этот показатель в данном мире замер навсегда.

Услышав это, Цзи Мян на мгновение замер. Он инстинктивно перевел взгляд на единственного человека, который мог быть источником этих очков — мужчина смотрел на него мрачнее тучи.

Юноша вдруг осознал:

«Похоже, рост привязанности Дуань Чжо прямо пропорционален его ревности»

В этот момент из кухни вышел Гу Тин.

— Всё... почти готово, — обратился он к жене.

Все тут же посмотрели в его сторону. Полы и манжеты пиджака Гу Тина были забрызганы водой, на идеально отглаженном пальто и сорочке появилось множество складок, а на лице виднелись плохо стертые потеки. От него даже потянуло легким морским запахом — пока он разделывал лобстеров, те успели окатить его с головы до ног.

Потерпеть поражение в схватке с двумя ракообразными и раз за разом выставлять себя в нелепом свете перед семьей жены — лицо Гу Тина приобрело довольно скверное выражение.

— Оставь, я закончу, — Му Юймань поднялась с места. — А ты посиди, пообщайся с Цзи Мянem и Дуань Чжо.

— Угу.

Аура мужчин решительно не сочеталась. Не то чтобы между ними была вражда, просто стоило им оказаться рядом, как воздух словно застывал, оставляя место лишь для неловкого молчания и игры в гляделки.

— Кхм, — Гу Тин откашлялся и, достав из кармана пальто пачку, вытянул две сигареты. Одну он протянул Дуань Чжо.

Сам Гу Тин не был заядлым курильщиком, он просто хотел хоть как-то разрядить обстановку. Но собеседник лишь с легкой улыбкой покачал головой, отказываясь от сигареты, пропахшей морской водой.

Намерение Дуань Чжо было простым: он бросал курить. Но в глазах Гу Тина это выглядело как неприкрытое пренебрежение.

В воздухе повисло одно-единственное слово: неловкость. К тому же выяснилось, что сигареты у Гу Тина есть, а огня нет. Утром, перед тем как сесть в самолет, он выбросил свою зажигалку.

— Не найдется прикурить? — спросил он Дуань Чжо.

Тот не успел ответить, как вмешался Цзи Мянью:

— О, зажигалка брата у меня. Я поднимусь за ней.

Гу Тин на мгновение опешил. Вспомнив, как жена расхваливала при нем юношу, он с сомнением переспросил:

— Ты... тоже куришь?

Цзи Мянью не знал, как это объяснить, поэтому выдумал оправдание на ходу:

— Нет, просто брат случайно оставил её наверху.

С этими словами он поспешил наверх.

Не прошло и полминуты, как Дуань Чжо, глядя в сторону лестницы, выпрямился и последовал за ним, бросив на ходу:

— Пойду помогу ему найти.

Гу Тин в растерянности посмотрел ему вслед. Неужели для поиска одной зажигалки нужны два человека?

— А... ладно, — выдавил он в пустоту.

Цзи Мянью вытащил из прикроватной тумбочки алюминиевый корпус и сунул его в карман. Он уже собирался выходить, когда дверь спальни распахнулась.

Вошел Дуань Чжо. Увидев, что Цзи Мянью готов спускаться, он не только не уступил дорогу, но и молча запер за собой дверь.

— Брат, ты-то зачем поднялся?

Дуань Чжо молчал.

— Брат?

— ...Уши пухнут. Курить охота.

Цзи Мяннь замер. Дуань Чжо сделал шаг к нему. Цзи Мяннь настороженно прижал руку к карману, чувствуя ладонью твердый металл.

Но Дуань Чжо лишь усмехнулся. Даже не взглянув на вещь, которую так бережно охранял юноша, он притянул его за талию и, склонившись, обхватил губами едва выступающий кадык на его белой шее.

— М-м... — Цзи Мяннь вздрогнул от резкого ощущения, мышцы на ногах напряглись.

В объятиях Дуань Чжо отступить было некуда. Мужчина развернул его, и они поменялись местами: теперь Цзи Мяннь был прижат спиной к двери. Его кадык, крайне чувствительный к ласкам, под дразнящими движениями влажного языка стал источником такой слабости, что юноше пришлось обхватить Дуань Чжо за шею, чтобы не сползти на пол.

— Брат, не надо там, я...

Дуань Чжо остановился. Он поднял взгляд на подернутые туманом глаза Цзи Мяння. Горло мужчины дернулось, он спросил, прекрасно зная ответ:

— Что именно?

Цзи Мяннь плотно сжал губы, не желая отвечать. Дуань Чжо с улыбкой склонился к его лицу. Сначала он целовал ресницы юноши, уголки глаз, затем спустился к мягкой щеке и линии челюсти. Его поцелуи были беспорядочными, словно губы сами выбирали путь.

Но в конечном счете их целью всегда был рот Цзи Мяння.

Их дыхание смешалось — горячее, влажное. Тихие звуки тонули в поцелуе, когда зубы и языки переплетались в немом танце. Цзи Мяннь невольно прогнулся в пояснице, пока кожа его живота не коснулась нижней части тела Дуань Чжо, почувствовав его недвусмысленную реакцию.

Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но Дуань Чжо мгновенно пресек эту попытку своим языком. А ведь Цзи Мяннь когда-то говорил, что у его старшего брата «глупый язык», который

даже с костями в рыбе не совладеет.

Не имея возможности говорить, Цзи Мяннь высвободил одну руку и легонько похлопал его по затылку. Если это продолжится, дело кончится добром.

Дуань Чжо нехотя отстранился, слизнул влагу с губ и вперил прямой, тяжелый взгляд в лицо Цзи Мяння.

— Брат, тебе... нужно успокоиться.

Цзи Мяннь развернул его спиной к себе и легонько подтолкнул, намекая, что Дуань Чжо стоит поискать другое место для «успокоения». Тот, подчинившись, с неохотой дошел до дивана и сел.

Спустя минуту Цзи Мяннь спросил шепотом:

— Ну как?

— Никак.

Юноша растерялся:

— И... и что делать?

Они пробыли здесь уже слишком долго. Дуань Чжо стиснул зубы.

— Я пойду в комнату, подальше от тебя.

Они были вместе всего пару дней, а ему уже приходилось заставлять себя не смотреть на Цзи Мяння. Тело не желало остывать, и Дуань Чжо помрачнел. Разумеется, гнев его был направлен не на партнера, а на само время — сейчас было всего двенадцать часов дня.

Мужчина, томимый долгой жаждой и неудовлетворенным желанием, смотрел на каждый миг светлого дня с истинной ненавистью.

— ...Понятно.

Вниз они спустились только через пять минут. С того момента, как Дуань Чжо ушел

«помогать», прошло уже добрых пятнадцать минут.

Стоило им войти в гостиную, как Гу Тин поднялся с дивана. Сигарету, которую он мусолил в руках, он уже несколько минут назад убрал обратно в пачку.

— Что так долго? — удивился он.

— Да, она закатилась в угол, еле нашли, — ответил Цзи Мянью, протягивая ему зажигалку.

Дуань Чжо шел следом с абсолютно невозмутимым видом. Разве что из-за «долгих поисков» лицо его казалось несколько суровым.

Гу Тин и представить не мог, что его мимолетная просьба заставит двоих людей так долго хлопотать. Преисполненный чувства вины, он принял зажигалку и дрожащими руками прикурил — никогда в жизни он не курил сигарету с таким тяжелым сердцем.

После чересчур обильного обеда Цзи Мянью и Дуань Чжо принялись прибираться на кухне. Это было негласное правило: тот, кто не готовит, моет посуду. Юноша хлопотал у раковины, а Дуань Чжо неизменно следовал за ним. Они были заняты общим делом, из кухни то и дело доносились обрывки их негромкого разговора и смеха.

— У них такие замечательные отношения, — заметил Гу Тин, глядя на силуэты парней в дверном проеме.

Сам он вырос в высшем обществе, где братья и сестры только и делали, что плели интриги друг против друга. Видя столь искреннюю «братскую привязанность», он не мог не расчувствоваться.

— Редко встретишь братьев, которые так дорожат друг другом, — добавил он с легкой завистью.

Му Юймань, услышав его слова, тоже с улыбкой посмотрела на кухню.

Понаблюдав немного, она заметила странную вещь: что бы ни делал Цзи Мянью, Дуань Чжо всегда оказывался рядом. Юноша моет — тот подставляет руки, чтобы забрать тарелку; Цзи Мянью протирает плиту — Дуань Чжо тут же берется за тряпку рядом; Цзи Мянью чистит духовку — его партнер стоит подле, только мешаясь.

Он вел себя почти как преданный пес.

Му Юймань смотрела не отрываясь, и вдруг странное, давящее чувство охватило её, отчего в глазах слегка помутилось.

У мойки капля мыльной воды случайно отлетела Цзи Мянью на щеку. Его руки были в пене, и он не мог её вытереть. Дуань Чжо, заметив это, повернул голову и рукой стер след воды. А затем его пальцы на мгновение задержались на нежной щеке юноши, мягко нажав на кожу. На губах мужчины играла улыбка — нежная, совершенно не вяжущаяся с его обычным суровым обликом.

Но именно от этой нежности Му Юймань в одно мгновение словно провалилась в ледяную бездну. Волна ледящего ужаса, принеся внезапное прозрение, ударила ей в голову. Рука, сжимавшая ладонь Гу Тина, онемела. Происходящее казалось ей за гранью абсурда.

— Мань-Мань? — Гу Тин нахмурился, заметив её странную реакцию.

Му Юймань ничего не ответила. Она отвела взгляд от кухни и замерла, уставившись в белую стену перед собой. Муж никогда не видел её такой серьезной. Он заволновался, но интуиция подсказала ему: сейчас лучше промолчать.

Через десять минут Гу Тин взглянул на часы. Днем у него была работа, да и у Му Юймань начиналось дежурство.

— Нам пора, — произнес он.

— Иди вниз, я сейчас догоню.

— Хорошо.

Гу Тин крикнул занятым на кухне парням, что уходит, и Цзи Мянью с Дуань Чжо вышли проводить его. Когда муж уже спускался по лестнице, Му Юймань всё ещё стояла в гостиной, не сводя с них глаз.

— Сестра Юймань, ты разве не идешь с зятем? — удивленно спросил Цзи Мянью.

Му Юймань молчала, сурово глядя на брата. Тот встретил её взгляд и в то же мгновение всё понял.

Он лишь коротко усмехнулся и подтвердил:

— Да.

Хлоп!

Пощечина Му Юймань пришлась Дуань Чжо прямо по лицу. Её дыхание стало тяжелым и

прерывистым:

— Ты!..

Но больше она не смогла вымолвить ни слова. Дуань Чжо принял удар, не переставая улыбаться. Сестра Дуань Чжо всегда была воплощением мягкости, но этот удар по лицу брата был крепким и решительным.

Цзи Мянью, когда прозвучало это «да», еще ничего не понимал. Увидев столь резкую перемену, он на мгновение оцепенел, но уже через две секунды осознал, что произошло. Только одно могло привести Му Юйманью в такую ярость.

— Ты... — Женщина и представить не могла, что её брат способен на подобное.

У неё не было предубеждений против однополых отношений. Если бы Дуань Чжо за обедом вдруг сказал: «Сестра, мне нравятся мужчины», она бы и слова против не вставила. Но тем, кто был рядом с ним, оказался Цзи Мянью.

Она была уверена: Дуань Чжо попросту «заманил» юношу в свои сети. Цзи Мянью был настолько добрым и послушным, что сердце щемило, а к Дуань Чжо он всегда относился с безграничным уважением. Было ясно как день: тот действовал хитростью и уговорами.

От этой мысли глаза Му Юйманью покраснели, гнев душил её. Она не могла говорить и снова занесла руку, но на пути второго удара встал человек.

— Прости меня, сестра Юйманью... — Цзи Мянью заслонил собой Дуань Чжо, его голос дрожал от напряжения.

Он хотел сказать хоть что-то, чтобы унять её гнев или заставить переключить ярость на него самого.

— Это я виноват... Это я... сбил брата с пути.

Дуань Чжо, стоявший за спиной юноши и бывший на полголовы выше, не сдержался и глухо рассмеялся. Эти слова были для него слаще любого лакомства. Сейчас он был готов не то что к пощечине — он бы и удар ножом встретил с этой улыбкой.

Му Юйманью, пребывавшая на пике ярости, тоже на миг лишилась дара речи. Эта фраза сбила накал её гнева, и вернуться к прежней ярости она уже не смогла. Увидев, что брат смеется, она полоснула его взглядом, острым как нож.

— Выйди со мной, — бросила она и направилась к двери, намереваясь серьезно поговорить с

ним с глазу на глаз.

Дуань Чжо не спешил. Он, не зная меры, ущипнул Цзи Мяня за щеку, ведя себя словно беспечный павлин, распутивший хвост перед лицом опасности.

— Жди меня.

Му Юймань, уже переступившая порог, резко обернулась. С ледяным лицом она вернулась в комнату и взяла в руки метелку для пыли.

Дуань Чжо лишь лишился дара речи.

<http://bllate.org/book/15358/1422927>